

Между демоном и гегемоном: о нелегкой судьбе понятия «демократия»

МАГУН А. В. (2016). ДЕМОКРАТИЯ, ИЛИ ДЕМОН И ГЕГЕМОН. СПБ.: ИЗД-ВО ЕУСПБ. 154 С. (СЕРИЯ «АЗБУКА ПОНЯТИЙ»; ВЫП. 1). ISBN 978-5-94380-205-8

Мария Юрлова

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии
Института социально-гуманитарных и политических наук
Северного (Арктического) федерального университета

Адрес: наб. Северной Двины, д. 17, г. Архангельск, Российская Федерация 163002

E-mail: procurator.minbar@yandex.ru

«Демократия, или Демон и гегемон» Артемия Магуна — первая книга серии «Азбука понятий» издательства Европейского университета в Санкт-Петербурге — заявлена как научно-популярное издание, претендующее на разъяснение того, почему слово «демократия» в последние десятилетия так популярно. Кажется бы, этот вопрос вообще не должен вставать в силу кажущейся очевидности ответа на него, но автор задает его снова и снова, показывая, что ответ каждый раз может быть разным.

На протяжении всего текста А. Магун выдерживает полемическую, даже провокационную интонацию, уже на первых страницах заявляя, что «все вроде бы очевидные аргументы в пользу демократии — достояние XX века» (с. 11). По его словам, привычное для нас сейчас представление о демократии как о благе, о чем-то хорошем и правильном — далеко не само собой разумеющееся, более того, оно во многом основано на изменении смысла самого понятия. Автор выделяет три так называемые «загадки демократии». Первая касается вопроса о том, не являются ли аргументы в пользу демократии прикрытием для оправдания совсем иного строя. Вторая связана с так называемой «ограниченной применимостью» демократии, которая, несмотря на осознаваемые многими преимущества, почему-то не может стать международной, сложно даже несколько государств объединить демократическим путем. Наконец, третья загадка состоит в том, что демократическим путем к власти могут прийти и противники демократии, причем выборы могут быть честными. Получается, что, несмотря на несомненный позитивный бэкграунд данного понятия, на практике это не всегда помогает: народ не всегда выбирает «власть народа».

Читателю книги предлагается самому проследить историю демократии как понятия и лично убедиться в том, что автор, с отсылкой к Гегелю, называет «диалектической логикой истории». Позволю себе привести объемную цитату, в кото-

рой Магун, как мне кажется, лучше всего проговаривает собственное понимание «судьбы» данного понятия: «Когда рефлексия обнаруживает за понятием его скрытую систему отсылок, выясняется, что оно зависит от своего иного и делает свою бессознательную основу собственной противоположностью. То есть чтолюбое понятие есть на деле отношение понятий. И вот эти моменты рефлексии и есть моменты кристаллизации и переформулирования исторических понятий. Потому, в моменты рефлексии, они зачастую переворачиваются: подавленная и противоположенная предпосылка выходит на первый план в момент кризиса. Предпосылка, от которой понятие отталкивалось и даже идеологически дистанцировалось, выходит наружу как его скрытая истина. Отсюда — переворачивание властных иерархий, причинно-следственных связей, и классификаций. А это переворачивание означает, что и мы, как субъекты последней инстанции, меняем свою позицию по отношению к данному понятию и его объекту. Так, демократия чудесным образом превращается из альтернативного и анархического антирежима в синоним стабильного правопорядка и идеала правления» (с. 23). Намек, который мы можем здесь уловить, означает, что история трансформации понятия «демократия» еще не закончена, и не исключено, что в следующих попытках осмысления оно приобретет значение, противоположное нынешнему. Кроме того, у читателя сразу возникает вопрос, есть ли у понятия «демократия» какой-то собственный, исходный смысл, ставший отправной точкой для последующих трансформаций.

Продолжая разговор о попытках определения демократии, А. Магун отмечает, что исследователи в целом осознают парадоксальность этого понятия и порой даже не связывают демократии современного типа с «народом» как ее источником (с. 27), говоря о том, что представительная демократия — это власть и борьба не народа, а элит (лидеров, представителей), или говорят о том, что демократия вообще предполагает не стабильность субъекта (народа), а, напротив, возникновение и признание новых политических субъектов (с. 35). Логичным следствием этого становится представление о том, что «демократический компонент» режима предполагает не «власть народа» (которую стоит, наконец, признать фикцией), а его реальную возможность влиять на власть и критиковать ее.

Каким образом мы пришли к такому положению дел, по сути, делающему понятие «демократия» противоречивым, парадоксальным и почти безнадежно неопределимым? Отвечая на этот вопрос, автор выделяет основные вехи в истории понятия «демократия». Он ставит своей задачей «не рассказать, „как все было на самом деле“, а взглянуть на ныне существующий институт с неожиданной точки зрения, „остранить“ его, описав: его прецеденты, порой неожиданные; процессы и события его возникновения из этих прецедентов» (с. 54).

Итак, «античная демократия» — это вроде бы то историческое место, где нужно искать источник демократии — и как понятия, и как феномена, — но А. Магун иронично напоминает, что режим народовластия в Древней Греции назывался не только демократией, что само это понятие имело там полемическую природу и понятия «демос» и «кратос» имеют сложный, интересный смысл (с. 64). Однако

важным для автора оказывается то, что демократия возникает как результат «событий» — революции, путча (с. 66), в которых народ выступал как субъект, а режим, установившийся в результате, можно было назвать демо-кратией.

В Древнем Риме на первый план выходит термин *res publica*, а в позднее Средневековье теоретики, осмысляющие понятие «народ», говорили о нем как об опоре светской власти монарха, народе, имеющем совещательный голос через своих представителей, а иногда — как об источнике суверенитета. Последнюю линию продолжают теории радикального народовластия (с. 84), права народа на революцию (с. 86) и появившиеся в Новое время теории общественного договора и народного суверенитета (с. 90–91). XVIII век приносит с собой идею представительной (репрезентативной) демократии (с. 97), которая уже почти не имеет ничего общего с тем, как понимали демократию в античности. Все это время отношение к демократии колеблется от признания ее неприемлемой и опасной формой государственного устройства до восприятия как идеала, который в реальном мире с трудом достижим.

По сути, автор описывает развитие представлений о демократии как пульсацию, когда наблюдать ее «воплощение» можно отчасти только время от времени, осмыслить, фиксировать изменение содержания. Получается, что демократия (или демократические тенденции, элементы) «была всегда», по крайней мере, опознать ее элементы можно почти во всех режимах древности. Не является ли такой взгляд следствием нынешнего отношения к демократии как к безусловной ценности?

«Новую историю» демократии, по мнению автора, следует отсчитывать с идей де Токвиля (с. 98), который указывает на США как страну победившей демократии, а саму демократию называет чертой не общества, а государства (в этом прорывается возникшее еще в Новое время напряжение между идеей государства как *stato* и демократией) и судьбой, которая ожидает все европейские страны.

С этого момента можно говорить о более или менее демократических режимах, революционно активных «массах», о парламентах как элементах демократии в монархиях, связанной с демократией надеждой на лучшее устройство общества — и в то же время о связанном с ней страхе, боязни явления народа в бунте, революции, государственном перевороте. Демократия оказывается не только позитивным идеалом, ее субъект — народ — начинает восприниматься как реальная и потенциально разрушительная сила, потому что «народ» опознается в тех, кто выходит на улицы. Выясняется, что ее можно признать только с условием, что постоянно присутствующий в ней анархический потенциал будет под контролем власти. Таким образом, демократия — это проблема, поскольку последствия ее установления непредсказуемы.

Как считает А. Магун, к концу XX века в бэкграунд демократии добавились проблемы, связанные с критикой парламентской демократии, либеральной демократии, а также с «поиском» народа, от имени которого осуществляется управление. Демократия стала восприниматься как панацея от тоталитаризма, фашизма, а по мнению некоторых теоретиков — и от советского варианта социализма. Побе-

да над диктатурами под лозунгом демократии, демократизация стран, которые не могут самостоятельно эмансипироваться, демократия как щит от правых и левых радикалов — все это делает однозначное определение того, что же такое демократия, крайне затруднительным.

Как бы то ни было, демократия — это уже не власть демоса в греческом смысле, это режим, отражающий интересы среднего класса, для легитимации которого ведется борьба за идентичность с народом, за то, чтобы верно выражать его интересы, а часто и рассказывать ему о них. «Народ» здесь остается достаточно неопределенным понятием, и возможно, поэтому демократии в современном мире можно добиваться разными комбинациями составляющих.

Одна из причин возникновения демократии в Новое время — революционность, событийность. Демократии без революции в XVIII веке во Франции не было бы. Революции легитимируют суверенитет народа и отчасти поэтому от «власти народа» и ее возможных последствий государственная власть должна защищаться. «Материальная» причина — появление класса буржуазии, «формальная» — капитализм, при котором развитие промышленности зависит от наличия свободных и небогатых трудовых масс, т. е. того самого «демоса» (с. 129). Если же говорить о цели и смысле, то демократия — единственный вариант режима, где общество предоставлено самому себе (с. 131), где есть место для публичной дискуссии и есть ротация управляющих и управляемых.

Однако рассуждения о смысле демократии не ограничиваются только этими рассуждениями. Далее автор пишет о «демоне», вынесенном в подзаголовок книги:

Иначе сложилась современная либеральная демократия. Здесь действительно было предоставлено право *голоса* бедным и «простым», и на обвинение в анархической бунтарской «демократии» было отвечено: «да, мы демократы». Но отвечено кем? — правящими элитами, близкими к крупной буржуазии! Вслушиваясь в народные «голоса», они при этом не собирались выпустать из рук власть. И в этом отношении «власть народа» остается заигрыванием буржуазного гегемона с опасными классами, а «демос», который никогда физически не присутствует, действует не столько как Христос, сколько как прирученный демон, мифический герой наводящей ужас анархии. (С. 133–135)

Итак, народ — это демонический субъект, призрак Целого нации, фантом, единый и одинокий, как пишет о нем А. Магун в другой своей книге, посвященной политической философии Нового времени¹, потенциально несущий в себе возможность объединения и партнерства, федерации, но и разделения, анархии.

Споры о демократии, требования к ней оказываются сродни своеобразному заклинанию этого демона, попыткам призвать его, но оставить под контролем призывающего. «Демократия», таким образом, становится чем-то одновременно пугающим, опасным, но и привлекательным. Это не самая распространенная трак-

---

1. Магун А. В. (2011). Единство и одиночество: курс политической философии Нового времени. М.: Новое литературное обозрение.

товка данного термина, но отчасти отвечающая на загадки, о которых говорится в начале книги. Демократия в терминологии автора — не проблема и не решение проблемы, это диалектическое напряжение между демоном и гегемоном.

Итак, «современная демократия — это конституционный режим представительного правления с обязательным разделением законодательной и исполнительной властей, в отсутствие наследственных привилегий и иерархии. Его отличительными... чертами являются... признание и поддержка самоорганизации граждан... постепенное движение к идеалу делиберативного самоуправления на всех уровнях» (с. 37–38). В этом определении есть слабый момент, который видит и сам автор: так называемая «аполитичность» народа, людей, которым часто не интересно участие ни в большой политике, ни даже в местном самоуправлении. Что делать, если апатия приносит больше удовлетворения, чем политическая активность? Ответ состоит в том, что демократию необходимо организовывать, она не возникает спонтанно. Однако есть опасность, что активность окажется пустой и бессмысленной демонстрацией, а не действием с какими-то реальными последствиями. Возможно, она будет также контролируемым и допускаемым «сверху» способом сбросить пар, дать выход напряжению и недовольству и одновременно не дать выхода проявлениям недовольства, которые могут стать разрушительными для режима. Если так, то «демократия как игра» действительно невозможна в странах, где политические противостояния идут всерьез, а не по правилам.

Если же аполитичность граждан можно преодолеть, то откуда начнется этот процесс, кто будет носителем силы, которая подтолкнет людей к объединению и отстаиванию (а сначала — к осознанию) своих интересов? И не будет ли этот кто-то истинным субъектом демократии, которую в очередной раз нельзя будет назвать ни властью народа, ни управлением от имени народа, а только, может быть, властью *ради* народа, *для* него или *без* него? Сейчас такие словосочетания режут слух, однако по логике автора такое переворачивание объекта и субъекта вполне возможно, ведь диалектика не может быть остановлена усилием воли.

Between Demon and Hegemon: On the Hard Fate of the Notion of “Democracy”

Maria Yurlova

Associate Professor, Northern (Arctic) Federal University
Address: Severnaya Dvina Emb., 17, Arkhangelsk, Russian Federation 163002
E-mail: procurator.minbar@yandex.ru

Review: Artemy Magun, *Demokratija, ili Demon i gegemon* [Democracy; or, Demon and Hegemon] (Saint Petersburg: EUSP Press, 2016) (in Russian).